

—

XIV.

Легкий ветерок скользил по глади реки, колыхая изумрудные ивовые ветви. Ночь была безмятежно прекрасна, луна сияла чистотой. Но в этот момент ни у кого не было желания любоваться пейзажем.

Взоры всех присутствующих — и тех, кто был замешан в конфликте, и просто праздных прохожих — сосредоточились на Гу Сьюане. Его слова прозвучали слишком жестко и безапелляционно; никто не мог теперь просто так взять и отступить.

Се Иян и пострадавшая девушка смотрели на Гу Сьюаня с полным доверием и восхищением. Чэнь Цзэсинь и Се Цзиньюй, напротив, так и пылали ненавистью и отвращением.

Гу Сьюань, казалось, ничего не замечал, сохраняя невозмутимое спокойствие. Он слегка кивнул Се Ияну, а затем перевел взгляд куда-то вдаль и, разомкнув тонкие губы, негромко произнес:

— Как раз вовремя.

Се Иян проследил за его взглядом.

— Что случилось? Что тут происходит?..

— Чем занимаетесь?

Послышались два властных окрика. Толпа зевак послушно расступилась, пропуская две фигуры в полицейской форме.

Почти круглый год с наступлением сумерек на берегу реки Циншуйхэ собиралось огромное количество людей. А где толпа, там неизбежно начинаются беспорядки. За эти годы здесь случалось неисчислимое множество драк, пьяных дебошей и даже прыжков в воду. Кроме того, находились и смельчаки, которые под покровом ночи в тени деревьев занимались спекуляцией и частной торговлей. Поэтому вдоль берега Циншуйхэ постоянно дежурили патрули уездного управления полиции. При возникновении любых происшествий они принимали меры на месте, не давая проблеме разрастись.

Вот и сейчас двое товарищей полицейских патрулировали берег.

Глаза Се Ияна радостно блеснули, он тут же указал пальцем на Чэнь Цзэсиня:

— Товарищ полицейский, тут один тип хулиганит, женщину обижает!

— Хулиганит? — Лицо полицейского посуровело, он бросил на подозреваемого пронзительный взгляд.

Чэнь Цзэсинь изменился в лице и поспешно затараторил:

— Товарищ, это недоразумение, чистое недоразумение! Мы тут как раз решаем всё в частном порядке.

Девушка холодно хмыкнула и немедленно опровергла его слова, твердо заявив:

— Это не недоразумение. Товарищ полицейский, он совершил в отношении меня хулиганские действия. Сначала я просто хотела, чтобы он извинился, но он не только отказался признавать вину, но и начал оскорблять меня, обвиняя во лжи. Теперь я твердо решила заявить на него.

Чэнь Цзэсинь резко обернулся и злобно уставился на девушку взглядом, полным яда.

Заметив это, полицейский сразу проникся к нему неприязнью и с угрозой прикрикнул:

— Ты что делаешь? Пытаешься запугать пострадавшую прямо при нас?

Чэнь Цзэсинь мгновенно поумерил пыл и со смиренным видом пояснил:

— Нет-нет, что вы, просто недоразумение. Товарищ, меня просто захлестнули эмоции из-за её беспочвенных обвинений, я...

Однако в следующий миг Се Иян решительно перебил его:

— Товарищ полицейский, это абсолютно точно не недоразумение. Я — очевидец, я видел весь процесс его хулиганской выходки от и до!

— Никакой он не свидетель! У него с нами личные счеты, он специально нас подставляет! — в ярости закричал Се Цзиньюй, реагируя на удивление быстро.

Выслушав эту перепалку, полицейские переглянулись — общая картина происходящего стала им ясна. Они посмотрели на Чэнь Цзэсиня, Се Ияна и остальных, строго скомандовав:

— Встаньте смирно. С этого момента прекратите любые препирательства. Сейчас каждый назовет свое имя, а в истине мы разберемся сами.

— Хорошо, — первым отозвался Се Иян. — Меня зовут Се Иян.

Остальные по очереди назвали свои имена. Так Гу Сьюань и Се Иян узнали, что девушку зовут Фан Даньдань.

Записав имена в блокнот, один из полицейских повернулся к толпе:

— Товарищи, вы ведь все здесь были раньше нас? Кто-нибудь еще видел, что произошло? Те, кто видел — выходите и рассказывайте.

В ответ воцарилось молчание.

Полицейские нахмурились и разошлись в разные стороны, заходя с флангов:

— Раз так, будем опрашивать каждого по отдельности. Помните, ваши ответы станут юридическим доказательством. Дача ложных показаний карается по закону. Начнем!

Когда полиция всерьез берется за дело и начинает индивидуальный опрос, обычный человек редко может выдержать такое давление. Как шутили в мире Гу Сьюаня: какими бы статными и безупречными ни выглядели звезды или бизнесмены на публике, во время официального допроса их вид в соплях и слезах мгновенно разрушает любой «фильтр» идеальности.

Тем временем на другом фланге Се Цзиньюй злобно сверлил взглядом Се Ияна:

— Мои папа с мамой, в конце концов, вырастили тебя, а ты даже не умеешь быть благодарным. Так подставляешь меня сегодня... Есть у тебя вообще совесть?

— ... — Се Иян моргнул и, склонив голову набок, с видом полной невинности ответил: — Хех, а с чего бы мне тебя подставлять? Ты что, сделал мне что-то плохое?

— И вообще, ты ведь еще не вышел замуж за этого мерзавца. Разве ты не должен благодарить меня за то, что я помог тебе заранее разглядеть в нем подонка? Расторгай помолвку поскорее, фиксируй убытки, пока не поздно!

— Ах ты... — Глаза Се Цзиньюя метали искры, он процедил сквозь зубы: — Кто просил тебя помогать! Ты — вестник несчастий! Чтоб ты сдох!

Чэнь Цзэсинь был кандидатом в мужа, выбранным для него с детства. По крайней мере, по внешним параметрам он был идеален: хорошая семья, приятная внешность, работа в правительстве. В уезде Циншуй он считался самым завидным женихом. Се Цзиньюй всегда этим гордился.

А теперь всё было разрушено Се Ияном. Его жених на его глазах лапал другую — теперь над ним до конца жизни будут втихомолку потешаться.

«...Всё из-за Се Ияна, зачем ему было это разоблачать?»

Видя, каким жутким становится взгляд Се Цзиньюя, Се Иян поежился. Вот уж точно, не делай добра — не получишь зла. Он поспешно развернулся и крепко вцепился в рукав мужа: «У-у-у, муж, защити меня».

Впрочем, стоит признать: Чэнь Цзэсинь и Се Цзиньюй — два сапога пара. Оба совершенно не осознавали своей вины. Столкнувшись с проблемой, они думали не о том, как исправить ошибку, а о том, как уничтожить того, кто эту ошибку заметил.

Чэнь Цзэсинь тем временем мрачно буравил взглядом Фан Даньдань, насмешливо бросив:

— Ты думаешь, они искренне тебе помогают? У них со мной вражда, они просто используют тебя, чтобы подставить меня.

Фан Даньдань сначала слегка побледнела, но затем выпрямилась и яростно ответила:

— Даже если и так — ну и что? Мне нужно только, чтобы ты, подонок, понес наказание. А что там у других — мне плевать!

Видя, что её не пронять, Чэнь Цзэсинь долго смотрел на неё, а затем со злобной усмешкой добавил:

— Хех, ты же женщина. Сейчас ты подняла такой шум — ты подумала, что будет потом? Думаешь, кто-нибудь рискнет жениться на тебе после такого позора и косых взглядов?

Глаза Фан Даньдань налились слезами:

— Какое тебе дело до этого, грязный извращенец! Это ведь ты меня погубил!

Се Иян сжал кулаки и гневно уставился на Чэнь Цзэсиня:

— Ах ты ничтожество! Ты с детства только и умел, что девушек лапать. Хватит тут красоваться

своим мужским статусом — ты обязательно попадешь на восемнадцатый круг ада!

Раньше, когда он еще жил в городе, Чэнь Цзэсинь постоянно распускал руки и несколько раз пытался его обидеть.

Но каждый раз он со всей силы избивал Чэнь Цзэсиня, давая ему жесткий отпор. Приемные же родители, узнав об этом, лишь ворчали, что он позорит их, и недоумевали: зачем раздувать из этого скандал? Как можно выносить такие вещи на свет?

Но с какой стати?

С какой стати тот, кто творит зло, должен ходить с гордо поднятой головой, а жертва — прятаться в тени?

— Хм, господин хулиган, вместо того чтобы притворно беспокоиться о пострадавшей, лучше бы позаботились о себе и своем уже давно прогнившем теле. Только слепец или такой же подлец, как вы, может не понимать: любая нормальная женщина или гер выберет честного и чистого мужчину. Кому сдался такой вызывающий всеобщее презрение «увядший цветок» и грязный подонок, как вы!

Холодный мужской голос прозвучал подобно весеннему грому среди ясного неба.

Се Иян и Фан Даньдань на мгновение остолбенели. А затем они разом повернулись к Гу Сьюаню, и их глаза снова наполнились нескрываемым обожанием.

Оказывается, так тоже можно ругаться?

— ... — Се Цзиньюй стиснул зубы.

Он чувствовал, что Гу Сьюань открыто издевается над ним, высмеивая его отсутствие вкуса и неразборчивость.

Чэнь Цзэсинь же густо покраснел. Слова Гу Сьюаня хлестали его по лицу, точно пощечины, одна за другой. Ладно бы этот тип просто ругался, но он посмел использовать оскорбления, которыми обычно клеймят падших женщин, чтобы унижить его, мужчину!..

Проклятье! Проклятье!

Откуда только взялся этот деревенщина, посмевающий лезть не в свое дело и вести себя так нагло? Поистине, блаженны невежественные.

Гу Сьюань встретил его взгляд, полный ярости, совершенно спокойно и лишь холодно спросил:

— Господин хулиган, что вы так на меня смотрите? Неужели замышляете отомстить мне после того, как мы отсюда уйдем?

Чэнь Цзэсинь холодно усмехнулся и уже собирался что-то ответить, но его опередил всплывший Се Цзиньюй:

— Хм, похоже, ты неплохо соображаешь! Цзэсинь работает в правительстве, а его отец, дядя Чэнь — член уездного Революционного комитета!

— Революционный комитет?

Двое полицейских как раз закончили делать записи и подошли к группе. Услышав это, они нахмурились и пристально посмотрели на Чэнь Цзэсиня. Только что в ходе строгого допроса прохожие наконец начали говорить, подтверждая, что Чэнь Цзэсинь действительно совершил хулиганский поступок. Затем нашелся второй свидетель, третий...

Таким образом, истина уже практически прояснилась. Но когда дело касалось Революционного комитета, всё становилось сложнее... Особенно учитывая их инспекцию с этими «красными повязками», которых лучше не злить.

Чэнь Цзэсинь, заметив колебание полицейских, тут же расплылся в улыбке и пустился в объяснения:

— Верно, товарищи. Я государственный служащий из администрации уезда, а мой отец — Чэнь Фэйпэн, член уездного Революционного комитета. Так что произошедшее — чистой воды недоразумение. Сами подумайте, разве человек моего круга и статуса стал бы заниматься подобным хулиганством?

Полицейские переглянулись.

«Хех, недоразумение?» Редко встретишь недоразумение, подтвержденное таким количеством свидетелей. И за кого он их принимает? Как раз такие, как он, и творят больше всего пакостей.

Однако Чэнь Цзэсинь, видя их молчание, вообразил, что дело приняло благоприятный оборот, и победно взглянул на Гу Сыюаня. Се Цзиньюй тоже фыркнул в сторону Гу Сыюаня и Се Ияна:

— Ну, погодите у меня!

И тут... они увидели, как на обычно бесстрастном и суровом лице Гу Сыюаня вдруг промелькнула тень тонкой усмешки.

А затем они воочию увидели, как Гу Сыюань крепко сжал руку Се Ияна и произнес с явной тревогой в голосе:

— Ян-ян, оказывается, отец этого хулигана — член Революционного комитета... Знай мы это раньше, нам, пожалуй, не стоило бы так опрометчиво выходить со свидетельствами. Вдруг потом...

— ... — Чэнь Цзэсинь.

Этот человек только что вел себя так благородно и непоколебимо, а теперь вдруг так быстро «переобулся». Хотя ему это льстило, в глубине души его не покидало ощущение, что здесь что-то не так.

— ... — Се Иян лишь моргнул.

«Муж, ты играешь ну очень фальшиво». Впрочем, он быстро сообразил, в чем дело, и нарочито громко воскликнул:

— Ой, так у этого извращенца отец из Революционного комитета? Кажется, мы и впрямь погорячились... Эх...

Видя их реакцию — особенно то, как вечно превосходящий его Се Иян теперь «склонил голову» — Се Цзиньюй окончательно распоясался. Он закричал еще громче, чем Се Иян:

— Вот именно! Дядя Чэнь — член Революционного комитета! Хм, теперь-то вы испугались? Я вам так скажу: поздно! Вы оба, и эта дрянь тоже — раз уж посмели перейти нам дорогу, готовьтесь к крупным неприятностям! Будете с позором маршировать по улицам!

Стоило этим словам прозвучать, как над толпой будто пронесся ураган — воцарилась гробовая тишина, все застыли с открытыми ртами. Полицейские потеряли переносицы. Что ж, это даже к лучшему.

Гу Сыюань удовлетворенно взглянул на Се Цзиньюя: «Спасибо, товарищ, за отличную подачу».

Он мгновенно отбросил маску робости и с ледяным лицом произнес:

— О как! Значит, только потому, что его отец — Чэнь Фэйпэн из Революционного комитета, мы, простые прохожие, осмелившиеся сказать правду, должны маршировать по улицам с позором? Немудрено, что этот тип средь бела дня не только распускает руки, но и не думает раскаиваться, смея оскорблять и запугивать жертву.

С этими словами он слегка кивнул девушке.

Фан Даньдань была сообразительной и тут же залилась слезами, жалобно запричитав:

— Ну и что, что его отец из Революционного комитета?! Если его отец в Революционном комитете, значит, ему можно лапать кого захочется? Разве Революционный комитет создавался не для того, чтобы искоренять хулиганов, нечисть и всяких паразитов? Неужели теперь они будут пользоваться властью, чтобы притеснять простой народ?!

В те времена, конечно, хватало тех, кто предпочитал не высовываться ради собственной безопасности, но было и немало горячих, принципиальных людей. Сейчас было время послеужинных прогулок, люди вышли отдохнуть и поглазеть на что-нибудь интересное. К полицейским подтянулось огромное количество зевак; многие не видели начала конфликта, а лишь примерно знали, что какой-то парень обидел девушку.

И тут этот тип, вместо того чтобы смиренно давать показания полиции, начал хвалиться статусом своего папаша — какого-то там члена Революционного комитета?!

В следующую секунду тишина взорвалась, точно котел с кипятком.

— Хорошенькое дело! Ну и наглость! «Мой отец из Революционного комитета»... Посмотрите на него!

— И что с того, что отец в Революционном комитете? Родне членов комитета закон не писан? Можно лапать людей и угрожать им?!

— Правильно! Что нам этот Революционный комитет, мы же его и выбрали! Сегодня не только этого щенка надо в участок упечь, но и его папаша Чэнь Фэйпэн пусть выйдет к нам и даст объяснения!

— Точно! Наверняка и папаша грешков немало накопил, раз первая реакция сына на преступление — козырять его именем!

— Справедливо! Сурово наказать хулигана! Долой бюрократию и кумовство!

Толпа хлынула вперед, буквально вытащив Чэнь Цзэсиня из круга, и под конвоем потащила его

в сторону отделения полиции. Двое полицейских оказались не у дел — их помощь больше не требовалась.

По пути к процессии присоединялось всё больше обычных горожан. То, что начиналось как мелкое дело о хулиганстве, после яркой «рекламной кампании» под лозунгом «Мой отец из Революционного комитета», привлекло внимание почти всего уезда Циншуй. Узнав предысторию, люди единодушно вскипали праведным гневом.

Про Се Цзиньюя все забыли. Он в одиночестве стоял позади толпы. Вспоминая ярость этих людей и то, как Чэнь Цзэсиня избили до синяков и кровоподтеков, он невольно задрожал всем телом.

Он... он ведь только что накликал беду? Что же делать? Как теперь быть?

Сорвавшись с места, он во весь дух помчался домой. Нужно спросить родителей, они точно что-нибудь придумают...

Дальнейшие события развивались стремительно и неуправляемо. Возможно, не обошлось без закулисных игр политических противников Чэнь Фэйпэна.

В тот же вечер в газете, чей тираж уже был готов к печати, экстренно заменили главную полосу. По радио на одном из каналов вышел специальный репортаж об этом происшествии. К следующему дню, когда Гу Сьюань пришел на работу на завод сельхозтехники, рабочие вовсю обсуждали знаменитую фразу «Мой отец из Революционного комитета», а имена Чэнь Фэйпэна и Чэнь Цзэсиня то и дело всплывали в разговорах.

Лин Чжи даже из любопытства подскочил к нему:

— Дагэ, слышал, ты вчера тоже был у реки Циншуйхэ. Ты участвовал в этой заварухе?

Гу Сьюань небрежно кивнул. Лин Чжи тут же воодушевился:

— Дагэ, расскажи скорее, как всё было на самом деле! А то версий ходит столько, что уже и не верится.

Гу Сьюань поднял голову и холодно взглянул на него:

— Ты усвоил то, что я объяснял по работе?

— ... — Лин Чжи.

Ну да, дагэ всегда остается холодным и суровым.

Не обращая на него внимания, Гу Сьюань вышел из кабинета и направился к начальнику отдела Лу. Когда он вошел, заместитель директора Сунь как раз пил там чай. Увидев Гу Сьюаня, он добродушно улыбнулся:

— А вот и Сяо Гу пришел. Поистине, из молодёжи появился герой.

Гу Сьюань слегка приподнял бровь. Начальник Лу любезно пояснил:

— Начальник уездного управления полиции Чэн — старый боевой товарищ директора Суня. Ты вчера совершил такое «великое дело», и он сегодня с самого утра позвонил отчитаться.

Гу Сьюань кивнул в знак понимания. Неудивительно, что во время дела о краже чертежей начальник Лу советовал ему смело называть имя завода.

— Впрочем, вызвали мы тебя не ради этого, — с улыбкой продолжил Лу.

Заместитель директора Сунь посмотрел на Гу Сьюаня с немалым чувством:

— Эх, за последние два месяца энтузиазм рабочих заметно вырос, про эффективность и говорить нечего. Всего за два месяца объем производства вот-вот превысит показатели прошлого квартала. Сяо Гу, твоя заслуга в этом огромна. Если честно, мне теперь ужасно жаль отпускать тебя на машиностроительный завод!

Гу Сьюань давно выработал иммунитет к речам этих «старых лис». Он сухо спросил:

— Директор, начальник, есть новости с машиностроительного завода?

Лу кивнул:

— Сверху городскому машиностроительному заводу спустили задачу — усилить работу над новыми разработками, особенно по части двигателей. Как удачно совпало, твой новый двигатель пришелся как нельзя кстати. Процедура утверждения в городе ускорилась, финансирование скоро выделят. Так что в следующем месяце ты, скорее всего, переезжаешь в город.

— О, вот оно что, — безразлично кивнул Гу Сьюань. Его реакция была крайне спокойной.

Сунь и Лу, глядя на него, не знали, радоваться или огорчаться. Уж слишком бесстрастен этот юноша. Поездка в город его не воодушевляет, но и с заводом сельхозтехники он расстается без тени сожаления...

Старики досадливо замахали руками:

— Уходи, уходи скорее. Глаза бы мои тебя не видели.

— Тогда... до свидания, — Гу Сьюань встал и, не оборачиваясь, вышел.

— ...

Сунь и Лу переглянулись, не зная, смеяться или плакать.

Между тем в уездном Революционном комитете атмосфера была далеко не столь гармоничной. В просторном кабинете председателя:

— Да-да, товарищ секретарь. Это у нас в комитете возникла проблема, я немедленно во всем разберусь.

Председатель комитета Ван повесил трубку после звонка из уездного комитета партии. Посмотрев в окно на толпы людей, собравшихся у здания, он с нечитаемым лицом крикнул секретарю:

— Лао Чэнь сегодня пришел? Немедленно позови его ко мне.

Спустя несколько мгновений секретарь ввел мужчину средних лет:

— Председатель, член комитета Чэнь пришел.

Ван стоял у окна и поманил Чэнь Фэйпэна рукой:

— Лао Чэнь, иди сюда, посмотри. Видишь, как народ кипит?..

— Председатель... — Чэнь Фэйпэн подошел и заглянул вниз.

На самом деле, он уже видел эту картину вчера вечером, когда ходил в полицию к сыну. Да и сегодня утром в здание комитета пробирался с огромным трудом.

Председатель Ван взглянул на него и тяжело вздохнул:

— Глас народа — закон. Секретарь Чжан только что звонил мне и распекал полчаса. Говорят, об этом деле уже знают и в городе, и в провинции.

Секретарь Чжан был главой партийного комитета уезда Циншуй. Чэнь Фэйпэн помрачнел:

— Председатель, это моя вина. Я вас подвел.

— Ошибка отца в том, что не воспитал сына. Ты действительно виноват. Говорят, у полиции и у нас перед входом не пропихнуться. Ты должен это решить, иначе люди не разойдутся по рабочим местам. Срыв государственных планов строительства никто не возьмет на себя! — Ван пристально смотрел на него.

Чэнь Фэйпэн стиснул зубы и решительно кивнул:

— Я знаю, что делать.

Он проработал в Революционном комитете много лет и знал характер Вана. Если это заденет председателя, ему несдобровать. Но если решить всё сейчас «красиво», председатель Ван может сменить гнев на милость и в будущем помочь старому коллеге.

В тот же день в полдень Чэнь Фэйпэн вышел из здания Революционного комитета. Стоя перед толпой, он смиренно принял все обвинения, поклонился пострадавшей в извинении и объявил, что уходит в отставку с поста члена комитета.

Казалось, ярость толпы начала понемногу утихать после такого жеста. Кто же знал, что в этот момент из полиции придут новости?

Оказалось, что Чэнь Цзэсинь — рецидивист. За ним числилось множество случаев домогательств и хулиганства. Раньше девушки и геры молчали, боясь за свою репутацию и страшась власти его отца. Но теперь, когда скандал разросся, пострадавшие поняли: это их шанс. Они объединились и подали коллективное заявление.

Гнев народа взлетел до предела. У входа в полицию начались сидячие забастовки с требованием сурового наказания для подонка, вплоть до расстрела.

Под таким давлением приговор Чэнь Цзэсиню вынесли очень быстро. Хотя расстрела он избежал, суд признал его виновным в насилии и оскорблении женщин при отягчающих обстоятельствах. Его приговорили к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания на тяжелых работах в самом суровом месте — на фермах Бэйдахуана на далеком севере.

А Фан Даньдань за её смелость в борьбе с хулиганом и сильными мира сего стала «героиней

среди женщин». Множество молодых людей того времени писали ей письма со словами поддержки, восхищения и признаниями в любви.

Двор общежития завода сельхозтехники.

— Ха-ха! Этот гад Чэнь Цзэсинь наконец-то получил по заслугам, и у Даньдань всё хорошо!

Се Иян лежал на диване кверху ногами, держа в руках половинку арбуза, и радостно хохотал, уплетая мякоть. Гу Сьюань с тетрадками, в которых Се Иян решал задачи, подошел и сел рядом, похлопав этого любителя есть в полете по плечу:

— Что за поза? Поперхнешься же.

Се Иян зачерпнул ложкой большой кусок из самой середины и поднес ко рту мужа:

— А мне так удобно! На, муж, съешь кусочек сладенького в награду за твои заслуги в деле борьбы со злом.

Гу Сьюань послушно открыл рот — арбуз и впрямь был сахарным. Его выдали вчера на заводе вместо части пайка. Иян довольно повел бровями:

— Вкусно же? Сладко?!

— Угу, — кивнул Сьюань и снова уткнулся в тетрадь с задачами за курс средней школы.

Се Иян лукаво блеснул глазами и снова зачерпнул полную ложку:

— Муж, еще кусочек.

Тот машинально открыл рот, но в следующее мгновение ложка ловко нырнула в рот самому Се Ияну.

— ... — Гу Сьюань.

Увидев его озадаченное лицо, Се Иян зашелся в хохоте, радуясь успешной шалости.

— Маленький ребенок, — со вздохом сказал Гу Сьюань.

Се Иян гордо хмыкнул и снова протянул ложку, на этот раз серьезно:

— Муж, теперь честно. Открывай рот.

Гу Сьюань решил больше не поддаваться. Этот сорванец в последнее время совсем распоясался.

— Муж, ешь! Открывай рот, я же тебя кормлю! — настаивал Иян, не опуская руку.

Гу Сьюань оставался невозмутимым. Се Иян недовольно нахмурился и сам съел арбуз, громко чавкнув. Затем его глаза хитро сощурились. Он медленно спустил ноги со спинки дивана и нарочно ткнул пяткой Гу Сьюаня в плечо.

— Муж... ты чего меня игнорируешь? Ты...

В следующую секунду Гу Сьюань крепко перехватил обе его тонкие лодыжки.

— Опять балуешься? — бесстрастно спросил он.

— А-а! — Се Иян вскрикнул и попытался вырваться, но хватка была железной. Ему осталось только хихикать: — Ой, муж, я виноват...

Гу Сыюань холодно усмехнулся:

— Ну и в чем же ваша вина, Се-лаоши?

Се Иян на мгновение задумался, а потом выпалил:

— Не знаю!

Гу Сыюань приподнял бровь и, удерживая его за лодыжки, подтянул поближе к себе. В деревне Юньси Се Иян, хоть и работал мало, всё же бывал на полях, а теперь, после нескольких месяцев жизни в городе, его ступни стали белыми и нежными, а ногти отливали здоровым розовым цветом. Гу Сыюань не удержался и слегка сжал их, а затем пару раз провел пальцем по подошве.

Се Иян был крайне чувствителен к щекотке. Он тут же начал извиваться, то плача, то смеясь:

— Муж, я правда виноват!..

У Гу Сыюаня было «каменное сердце» — он будто и не видел этих мучений. Се Ияну пришлось спасаться самому. Превозмогая щекотку, он резко подался вперед, обхватил мужа за шею и принялся беспорядочно целовать его в щеки:

— Муж, муж, пощади!..

В мгновение ока лицо Гу Сыюаня оказалось перепачкано слюнями и арбузным соком. Делать нечего — он отпустил ноги жены, одной рукой обнял его за талию, а другой придержал за затылок. Клин клином вышибают: он просто заткнул этот неугомонный рот поцелуем.

— М-м... — Се Иян, стоя на коленях в объятиях мужа, разом обмяк. Поцелуй был таким приятным, что он начал невольно постанывать.

Хватка Гу Сыюаня стала чуть крепче. Спустя какое-то время Се Иян почувствовал, что ему не хватает воздуха, и принялся легонько щипать мужа за мышцы. Когда они наконец отстранились, Се Иян, расслабленный как талая вода, привалился к плечу Гу Сыюаня.

Гу Сыюань слегка ущипнул его за щеку:

— Понял свою ошибку?

Се Иян поднял на него жалобный взгляд:

— Понял. Нельзя дразнить тебя арбузом.

Гу Сыюань уже хотел что-то сказать, но Се Иян вдруг дернул его за край одежды и с хитринкой спросил:

— Муж, а как ты думаешь — я слаще или тот арбуз?

— ... — Гу Сыюань.

М-да. Этот дурачок не может прожить спокойно и секунды.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281650>